

«Мне нужно делать что-нибудь грубое»

Коммерсант - 2003 - 27 марта -
- с. 22.

С премьерой датского Королевского балета КЕННЕТОМ ГРЕВОМ встретила ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА.

— Вы, наверное, мало репетировали в Москве?

— Маловато. Три дня. Ведь у меня в субботу-воскресенье была «Манон» в Копенгагене. Поэтому все время стрелял глазами туда-сюда. Костюмы Анастасии первый раз на сцене увидел, а ведь они диктуют совершенно другой подход к пируэтам.

— Анастасия Волочкова считается тяжелой партнершей. Московские танцовщики избегают с ней танцевать.

— Она просто высокая девочка, поэтому нужны сильные мужчины, которые ей соответствуют. И вообще, если я не мо-

гу поднять танцовщицу, то это не ее проблема, а моя.

— На сцене вы вели себя очень уверенно.

— Когда я сюда приехал, артисты на меня так смотрели — мол, это вообще кто такой? Но на спектакле я начал ощущать поддержку труппы. Я с ними общался на сцене, они смотрели мне в глаза — а это очень важно. Ведь когда артистам не нравится, они умеют так стеклянно смотреть — сквозь тебя. Я как-то постепенно труппу завлек: «Давайте, ну давайте, ребята...» Конечно, публика важна, но танцовщики — они-то по-настоящему знают, чего ты стоишь. И когда они говорят после спектакля: «Все хорошо», — это действительно приятно.

— А как вам наша труппа?

— Я думаю, в Дании, да и в других труппах сейчас танцуют

слишком осторожно, слишком аккуратно. Здесь по-настоящему выкладываются. Я смотрел на них во все глаза. Какой тореадор, какой темперамент!

— И завалил два сотбаска.

— Ну, второй был почти нормальный. А потом, что там сотбаски, когда есть танец! А женщина в красном (Юлиана Малхасянц, — „Ъ“)! Я от нее в таверне оторваться не мог. Потом слышу: «Кеннет, Кеннет!» Это меня Анастасия зовет — тут вспомнил только, что я не зритель, а Базиль.

— Вы поменяли много хороших трупп. Почему вы бежали по миру?

— Я ушел из NY-city ballet, потому что не мог получить грин-карту. А Барышников мне сказал: «У меня есть контакты с госпожой Рейган. Она тебе все сделает». Мне действительно сделали все докумен-

ты за три дня, и я остался в АВТ. А когда я уезжал в Париж, к Нуреву, Миша мне сказал: «Кеннет, поезжай. Этот шанс — уникальный, а я с будущего года уже не директор АВТ». После Парижа я туда не вернулся, потому что Джейн Херман — ноль как художественный руководитель. Мне просто везло на потрясающих людей. С Мишей мы постоянно по телефону общаемся. Рудольф... — я вообще молился на него.

— Где Нуреев вас нашел?

— Нуреев увидел меня шестнадцатилетнего в NY-city, а через три года, когда я танцевал у Миши (Барышникова. — „Ъ“) в АВТ, подошел и сказал: «Может, в Париж поедете? Мне нужны высокие танцовщики». Ну, я и поехал. Он сделал меня этуалью. Это было в последние два года его директорства. Я танцевал в «Ле-

бедином» вместе с ним: Нуреев — Ротбарта, я — Зигфрида. Был жуткий скандал. Танцовщики отказывались работать. Но Рудольф сказал: «Я здесь босс и хочу, чтобы этот парень был в этой труппе звездой». Дирекция оперы пригрозила, что не продлит контракт с Нуреевым. Он их послал к черту. Я ему говорю: «Да ладно, перестаньте, я уеду». А он мне: «Дело не в тебе. Это принцип. Если я руководитель, я принимаю решение и я отвечаю за все». И ушел. И я вместе с ним. Он уже не хотел бороться — не очень хорошо себя чувствовал.

— А в Дании почему осели?

— Я люблю Данию — приятная страна. У меня чудные дети, прекрасная жена, приятная работа. Люди хорошие. Есть чем заняться в будущем. Я себе и дом построил.

— Сам?

— Да, в одиночку. Копал трактором яму под фундамент, цемент месил, кирпичи клал, электричество проводил, воду, газ, деревом обил — все до последнего гвоздя. Вот шрам, видите — это я палец себе почти отрезал электропилой. А вот сюда гвоздь вбил — никак выдернуть не мог. Мне нужно какое-то противодействие от балета, понимаете? В балете мужчины глазки красят, ручки нежно так держат. Для равновесия мне нужно делать что-нибудь грубое. Один балет — это опасно.

Мой отец — известный в Дании профессиональный игрок в гольф. Он расстроился, когда я захотел заниматься балетом. Но я ему сказал: «Папа, посмотри, в балете один мужчина на сцене. А вокруг 30 красивых женщин. А в гольфе что? Один мужчина и клюшка». Папа понял меня.